

Пролог

В течение единственной жизни человек способен побывать много кем: умильным мальцом в вышитой распашонке, уличным задирой при шпане с ножичками, любовником красивой девушки, мужем достойной женщины, заботливым родителем, мешальщиком на пивоварне, вдовцом, музыкантом и хворым попрошайкой, что выкашливает легкие за городской стеной. У этих личностей между собой нет ничего общего, кроме одного: все это один и тот же человек.

На свете бывают тайны, а в тайнах присутствует своя красота. И Китамар в этом смысле — город красивый.

Едва ль не на каждой улице Китамар предъявляет прохожим следы и останки тех городов, которыми прежде бывал. Стена, что когда-то оберегала рубеж молодого поселения, нынче стоит опешившим часовым-разиней между благородной Зеленой Горкой и площадью фонтанов у Камнерядья. Громадные бастионы Старых Ворот хмурятся на реку — стрельницы и бойницы стали нишами для фонарей, а народы-противники, что штурмовали и обороняли их, нынче спят рядышком в былых оружейных, потому что там недорого берут за постой. Шестимостный Кахон был прежде границей между великим царством Ханч и диким, полукочевым Инлиском, если послушать одних. Либо же первой преградой на пути явившихся с запада остролицых ханчей, жестоких трусов, если эту историю поведали бы вам на другом берегу. А теперь река, истинное сердце города, и делит его, и объединяет.

Древние племена убивали друг друга, клянясь в вечной ненависти, чтобы потом закопать вражду и притвориться еди-

ным народом, гражданами одного города. Некогда Китамар провозгласил себя подвластным лишь одному истинному богу. Ну, может быть, трем. Или бессчетному их числу. Три сотни лет и более он был вольным городом, гордым и независимым, и правили им местные князья, а не какой-то там чужеземный король.

Однако сегодня князь умер.

Владычество Бирна а Саля было недолгим.

Не прошло и года с тех пор, как улицы переполняли бражники и вино, музыка и веселье, с отнюдь не малой долей безрассудных плотских утех, на празднике в честь венчания этого великого человека на княжество. Тогда от сейчас отделяли бурные месяцы, отмеченные дурными предзнаменованиями и жестокостью. Отделяла зима тревожных снов.

Сегодня, как только первый луч зари касается башен дворца на вершине холма, красные ворота отворяются перед похоронной процессией. Две одетые в лохмотья старухи ступают вперед и бьют в барабаны. Зашоренные вороные кони шагают за ними, а бульжный камень разносит цокот копыт. Вдоль всего пути их ожидают мужчины, женщины, дети, которые и есть Китамар. Они обожают такие спектакли со смертью, представления, полные скорби. И хотя мало кто говорит об этом вслух, надеются, что время холодной тьмы завершится и начнется что-нибудь новое. Лишь некоторые задают вопросы во всеуслышанье: «Как это произошло? Болезнь ли это, несчастный случай, убийство или божья кара?»

Отчего скончался Бирн а Саль?

Черный лакированный экипаж минует особняки и сады Зеленой Горки. Главы первых семейств стоят у парадных входов, словно готовы пригласить покойного к себе, будто тот встанет. Слуги, дети и невоспитанная родня плятятся из кустов и закоулков. Не почтила похороны лишь выгоревшая скорлупа Братства Дарис. А затем тело едет в город, сперва направляясь на Камнерядье и далее на юг, по темным от сажи улицам Коптильни.

Кому повезло иметь на этом маршруте дома, те сдают внаем места у окон и даже на крышах. Пока катафалк ползет и трясется по мостовой, люди оттирают друг друга, чтобы взглянуть на покойника: чуть менее шести футов смердящей железом безжизненной плоти, что прежде была человеком. За дрогами следует высшая городская знать. Будущая княгиня Элейна а Саль едет подле отца в черном паланкине. На ней рваное тряпье и вместе с тем серебряная гривна на шее. Подбородок вздернут, лицо безо всякого выражения. Зрочки всего города впиваются в нее, пытаясь по наклону спины или сухости глаз прочесть, кто она — девчонка, едва ли в возрасте женщины, что тонет в отчаянии и безысходности, или душегубка, отцеубийца, которая насилу сдерживает ликование.

Так или иначе, с завтрашнего дня править городом ей, и те же самые люди будут отплясывать на ее венчании на престол.

За ней шествуют приближенные старого князя. Мика Эл, придворный историк, в обсыпанной пеплом мантии. Сын старого Карсена, Халев, — наперсник и советник Бирна а Саля. Самаль Кинг, глава дворцовой стражи, несет затупленный меч. За ними другие, все в сером, ладони у всех в золе. Достигнув пределов Коптильни — желтого камня и черной извести, — они останавливаются. Навстречу выходит священник, распевая псалмы и бряцая кадилом со сладким ладаном. Проводится охранный обряд, дабы река не смыла душу усопшего. Сколь голодны эти воды, известно всем.

Обряд исполнен, похоронная процессия проходит по широким бульварам Притечья, мимо пивных заведений, мимо каналов, где плоскодонки стоят носом в корму, так часто, что на другую сторону канала дева перейдет, не намочив подола. Близится полдень, солнце раннего лета огибает в небе дугу медленнее, чем пару недель назад, а траурный экипаж только сворачивает на северо-восток, выходя на раздел между Речным Портом и Новорядьем. Над дрогами жужжат жирные, с ноготь, мухи, а кони шлепают их хвостами. Там, где появляется похоронное

шествие, толпа густеет, испаряясь лишь после прохода свиты. Как только последний воин почетного караула сворачивает за угол, покидая Притечье, трактиры открываются вновь, за чугунными решетками по бокам заведений опять принимаются ставки. Разносчики с бывалым жонглерским умением катят по улице бочонки на ободах.

Процессия достигает Храма почти на закате. Черный Дворцовый Холм рассекает западный горизонт. Светятся разноцветные витражи храмовых окон. Темнота, словно разлитые чернила, прибирает улицы прежде, чем на высоких хорах над жертвенником гаснет последняя песнь, и тело Бирна а Саля, омытое скорбением подданных и молитвами духовенства, выносят на костер. Поджигать пахнущие маслом поленья должно княжне, но та стоит неподвижно, пока молодой Карсен, отцовский друг, не подходит и не принимает из ее рук факел.

Ночь между погребением старого князя и коронованием нового называется «гаутанна». Это древнее инлисское слово приблизительно означает задержку на пике вдоха, когда легкие наиболее полны воздуха. Буквально переводится как «мгновенные пустоты».

На одну ночь Китамар становится городом промеж миров и эпох. Он выпадает из собственной истории, становясь окончанием прошлого и одновременно началом чего-то нового. Скептики среди горожан — а Китамару досталась немалая доля добронравных безбожников — называют это обычаем и басней, в духе родного города, его стремлений и чаяний, его боязни и робости в час перемен. Возможно, они и правы, но улицы будто окутывает нечто мрачное и зловещее. В шелесте быстрой реки слышатся вроде слова. Скромные китамарские чудеса замирают, как почуявшая кота мышка. Стук подков по камням оглашается совсем не привычным эхом. Городские стражники в синих плащах неспешно наматывают положенные круги — либо приходят к выводу, что не беда, если в эту ночь не намотают их вовсе.

Пролог

За городом южный тракт, где при свете дня воловьи гурты влачат против течения лодки, сейчас тих и безвиден, за исключением одного бородатого мужчины. Он сидит под белой березой, прислонившись спиной к коре. Стеклянная бусина в его руке была бы красной, хватай тут света, чтобы ее разглядеть.

В спальне с худыми стенками, над лавкой портного в Речном Порту, лежит на матрасе молодой человек. Правая рука у него забинтована, под тканью перевязки пульсирует рана. Он смотрит, как над коньками крыш восходит луна, с замиранием сердца прислушивается к шагам по скрипучим полам за дверью.

Под самым северным из четырех мостов Старых Ворот сидит, слушая бег воды, девушка. У нее круглое лицо, кудрявые волосы, а в кулаке зажат нож. Она ожидает встречи, которой страшится не меньше, чем жаждет.

Зовут ее Алис.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЖАТВА

Китамар — город, не знающий жалости. Народное поверье гласит, что возведен он на ненависти, но это заблуждение. В действительности в его основании голод, и город хранит в своем сердце многие разновидности голода.

*Из секретных дневников Ульриса Каона,
придворного историка князя Даоса а Саля*

1

За несколько лет до взошествия на престол Бирна а Саля и дальнейших событий Алис была еще малым ребенком, когда ее старший и единственный брат Дарро в последний раз покинул материнский дом — и был тогда очень зол.

Их мать обнаружила, что Дарро с друзьями ограбили склады в Притечье, оттащили добытую всячину скупщику в Речной Порт, а полученное серебро и медь потратили на вино. Алис не совсем понимала, воровство ли разъярило мать или то, что сын не принес домой ни полушки из своей доли. Может, мать и сама толком не знала.

Алис пыталась быть маленькой и незаметной, пока старшие орали друг на друга. Она помнила вопль Дарро: «Я не буду жрать ничье дерьмо!» и истошный визг матери в ответ: «Не будешь, тогда тебя убьют!»

Под конец Дарро подхватил сумку, дубинку, пару целых сапог, которыми они с матерью обменивались в зависимости от предстоящих за день походов, — и ушел. С перекошенным лицом мать, всхлипывая, бросилась на лежанку. Когда ее блуждающий взгляд наконец наткнулся на Алис, мать покачала головой:

— У твоего брата доброе сердце, но слишком уж он самолюблен. Нельзя так упиваться собой. Не вздумай брать пример с него, — сказала мать и наставила на Алис скрещенные пальцы, как отваживают зло уличные проповедники. — Не будь такой, как он.

Алис покивала детской головкой и поклялась, что не будет. И даже какое-то время была верна своей клятве.

2

То был день коронавания Бирна а Саля, нового князя, положивший начало его кончине, хоть об этом еще никто не догадывался.

Тычка, которую вела команда Алис, была одной из самых испытанных. Обычно для таких дел требовались четверо: блоха, щипач, рыба и отходной. Тему можно было провернуть и без рыбы, даже без отходного — правда, при этом повышался риск влипнуть. Нельзя было обойтись только без блохи и щипача. Щипач же и объявлял выход.

Как правило.

Этим днем щипачем был Оррел, с его легкой рукой и острой заточкой. Сэммиш выступала отходным, поскольку обладала внешностью, которую люди забывали, едва отвернувшись. Блохой была Алис.

Девушка, на которую указывал Оррел, была инлиской в ярко-вышитой блузке. Легкая цель. Заметно пьяная улыбка, заметно нетвердый шаг. Ожерелье из золота с жемчугами на ее шее стоило, наверно, больше самой девчонки. Алис знала ее.

Звали девушку Кана. Она работала на купеческое семейство в Речном Порту, и надетое золото ей не принадлежало. Если Оррел украдет ожерелье, то при самом лучшем исходе девушку выкинут назад, в Долгогорье. Но вероятнее, выпорют. Не исключалось и то, что синие плащи зашьют ей в юбку камней и столкнут с моста. Потому-то Оррел ее и выбрал. По своему складу он ненавидел всякого, кому по жизни выпала лучшая доля. Для Долгогорья Кана была предательницей, высокомерной ханжой, прихлебательницей ханчей с Речного Порты, и он был готов наказать ее за выпавшую удачу.

Вот только Алис была не готова.

Сложив пальцы, она ответила «нет», и Оррел, стоя от нее через дорогу, нахмурился. Затем опять объявил выход. Будет повторять, пока Алис не согласится.

Алис двинулась к девушке. Если на этом сегодняшней тычке конец, так и быть. Когда она взяла Кану за руку, та смущенно, но не встревоженно, поглядела затуманенным взором. Алис широко улыбнулась и поцеловала девушку в щеку. Держа губы возле уха, она зашептала сквозь шум толпы:

— Здесь воры. На твое ожерелье уже положили глаз. Чем ты думала, раз сюда его напялила? Уматывай. Сейчас же.

С хохотком, будто пересеклась со старой подругой, она отпустила Кану и отошла. Увидала последним, как Кана, настороженно озираясь, ощупывает свои жемчужины.

Оррел угрюмо скосился, но отправился дальше.

Толпа запрудила пятак на слиянии шести улиц. Торговцы, носильщики и гребцы с Речного Порта смешивались с ткачами, кожевниками и башмачниками Новорядья. Большинство — ханчийские рожи, но инлисков тоже было достаточно, чтобы не выделяться Оррелу с Алис. А Сэммиш не выделялась никогда и нигде. Такой у нее был дар.

Шумные голоса тянули песни, один мотив накатывал на другой, и вскоре никому стало не разобрать, какую мелодию и слова надо подхватывать. Пухлый, как свин, краснощекий старикан выкатил на обочину бочку с вином и наливал во все меха и кружки, какие бы ни подставляли. Воздух густел зноем позднего лета. Девицы в вычурных платьях, скроенных на скорую руку или оставшихся от прошлых празднеств, кружили в танце, стараясь ускользнуть от объятий парней. Старались не слишком усердно.

Высокий Оррел смотрелся совсем неплохо. Без рубашки, он проплясывал по улице под ритм любой песни, лишь бы громче звучала. Злость его не утихла, но затаилась. А улыбка сделалась широкой, невинной и куда более пьяной, чем была на самом деле. Алис носила просторную блузу и юбку с разрезами, по-праздничному нарядную, а заодно дающую свободу ногам. Пробираясь в толпе перед Оррелом, она оборачивалась после каждого десятка шагов — следила, не выбрал ли он в ощип новую пташку.